

«Гений места» как фактор межкультурного взаимодействия (русская литература Харбина и китайская культура)*

© 2014

Н. Лебедева

На примере взаимодействия русской эмигрантской литературы Харбина и китайской культуры рассматривается способность маргинального пространства Маньчжурии воздействовать на развитие художественной литературы. Обращается внимание на наличие сходных сюжетов, героев, способов изображения в русской и китайской литературах.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, русская эмигрантская литература Харбина, маргинальное пространство Маньчжурии, «гений места», «харбинская нота», «харбинский текст».

Литература, созданная русскими литераторами на русском языке вне России, на земле Маньчжурии в первой половине XX в. постепенно входит в сознание российского читателя как часть великой литературы нашей страны. Она унаследовала традиции вскормившей ее русской национальной культуры, продолжила во времени и в пространстве эстетику Серебряного века. Она позволила и создателям, и их современникам-читателям, жившим на территории чужой страны в инокультурном окружении, ощутить и сохранить свою национальную идентичность, свою принадлежность к российской культуре.

Но было в этих стихах и прозе нечто такое, что отличало их как от произведений, написанных в России и позже — в Советском Союзе, так и в других местах русского рассеяния — в Европе, в Америке, в Австралии. Это «нечто» было связано с тем, что в античном мире называлось *genius loci* (гений места), который осуществлял связь интеллектуальных и духовных проявлений человека со средой его обитания. В китайской традиции также есть категория *туди шэнь* (дух земли), сопоставимая с античным гением места. Очевидно, что различные цивилизации признавали наличие связи между духовной жизнью, художественным творчеством и пространством, на котором оно расцветало.

Маньчжурия, или Северо-Восточный Китай (*Дунбэй*) обладает определенной природной спецификой, которая заключается в многообразии форм рельефа, контрастности климатических условий, разнообразии флоры и фауны. В конце XIX — первой половине XX вв. этот регион был контактной зоной, в которой осуществлялось взаимодействие различных культур — китайской, японской, русской, корейской, монгольской и других. Кроме того, особенности географического положения, а именно общая граница с Россией и Кореей, близость Японии и Монголии, позволяют характеризовать Северо-Восточный Китай как маргинальную зону. Именно маргинальные зоны несовпадающих природных, экономических, этнокультурных, информационных полей служат источни-

Лебедева Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры языков стран АТР Дальневосточного Федерального университета, г. Владивосток. E-mail: lebedeva.na54@gmail.com

* Статья подготовлена при поддержке Научного фонда ДВФУ. Проект № 12–05–04110–05*.

ком энергетических импульсов. Такая рубежная энергетика оказывает воздействие на эмоционально-чувственную сферу и может служить ресурсом духовного возрождения.

В последние десятилетия внимание к роли пространства в развитии художественной культуры связано с рецепцией философско-эстетического наследия М.М. Бахтина, с развитием представлений о семиотике пространства.

С нашей точки зрения, весьма продуктивна также и мысль о воплощении определенного пространства в художественных образах, представленная в работах российского исследователя Д.Н. Замятина¹. Автор вводит категорию «географический образ» и характеризует его как устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности и являются компактными моделями определенного географического пространства. Замятин отмечает, что в общем смысле географические образы — совокупность ярких, характерных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих реальные пространства².

Репрезентация географического образа — это представление образа на вербальном или невербальном уровнях с помощью адекватных его содержанию сочетаний или систем ключевых символов и знаков, наиболее важными из которых являются визуальные и текстовые системы.

«Всякая цивилизация предполагает пространственное распространение своих духовных, материальных ценностей и образов. Пространственное развитие любой цивилизации сопровождается приспособлением, адаптацией к новым условиям существования. Это взаимодействие часто протекает в форме создания переходных, гибридных, смешанных культурных образов и ценностей, эффективно работающих в контактных междоцивилизационных пространствах (зонах). Между тем, само пространство, территория такого взаимодействия может оказывать влияние на формирование новых ценностей, способствуя «притиранию» различных способов восприятия и преобразования ландшафтов во взаимодействующих цивилизациях», — пишет Д.Н. Замятин³. Северо-Восточный Китай является ярким образцом такого пространства.

Исследователь считает, что сюжетная организация произведения, авторская речь и речь основных героев, ландшафтные описания, особенности художественного языка, пространственно-временные разрывы в повествовательной ткани связаны с формированием и развитием географических образов. Некоторые из них, имеющие литературное происхождение, с течением времени начинают восприниматься как естественная часть реальных местностей и ландшафтов. Очевидно, что Маньчжурия способна создавать собственные образы, отражающие ее региональные особенности.

Проблема пространства и художественного текста неразрывно связана с работами В.Н. Топорова о «петербургском тексте» русской литературы⁴.

С точки зрения В.Н. Топорова, пространство генерирует текст, неразрывно связанный с конкретным местом, с городом Петербургом. Петербургский текст по сути своей является гетерогенным текстом, который состоит из совокупности текстов русской литературы от А.С. Пушкина (20–30 гг. XIX в.) до К. Вагинова (20–30 гг. XX в.), а также образов Петербурга в изобразительном искусстве. Сакрально Петербургский текст един и связан монолитностью вследствие единой смысловой установки — обрести путь к нравственному спасению и духовному возрождению в трудностях.

Говоря о наличии схожих описаний города в произведениях разных авторов, исследователь выделял климатические, топографические, пейзажно-ландшафтные, этнографически-бытовые, культурные характеристики пространства, определяющие возможность сходства в петербургском тексте.

Среди субстрактных элементов описания Петербурга В.Н. Топоров указывал крайнее положение города. «Для петербургского текста как раз и характерна игра на переходе от пространственной крайности к жизни на краю, на пороге смерти, в безвыходных условиях, когда «дальше идти уже некуда», — пишет ученый⁵. При этом местонахо-

ждение на краю света рассматривалось как возможность прорыва к новой духовности, разрешения неразрешимых прежде нравственных проблем, преодоления над бездной.

Несмотря на то, что В.Н. Топоров настаивал на уникальности и единичности «петербургского текста», исследователи русской литературы, используя его методику, говорят о наличии «московского», «пермского», «усадебного», «сибирского» текстов национальной словесности⁶. В своих работах авторы стремятся к реконструкции семантических параметров того или иного исторически отмеченного территориального мира, образ которого воссоздается в произведениях русской литературы.

В качестве еще одного локального текста исследовательницы А.А. Забияко и Г.В. Эфендиева предлагают рассматривать «харбинский текст», который «обладает определенной законченностью. Он создавался в три этапа — в эпоху существования Харбина в качестве русского города (в основном, в художественной литературе и публицистике), затем — в художественной практике харбинских поэтов-эмигрантов и, наконец, в так называемую «постхарбинскую эпоху» (в мемуарах бывших харбинцев, а также в устных повествованиях тех, кто рассказывал о своем харбинском бытии)»⁷.

Подчеркивается, что важную роль в порождении «харбинского текста» сыграло особое маргинальное харбинское пространство, сначала между двух миров — китайской и российской культуры, а затем и между трех — китайской, дореволюционной российской и новой советской. Авторы пишут: «...маргинальное положение Харбина, действительно, находящегося «между двух миров» (между Европой и Азией, эмиграцией и метрополией, «столицей» и «провинцией», прошлым и настоящим), обусловило своеобразное развитие поэтики харбинских писателей»⁸.

Исследователи утверждают, что есть основания проецировать миф о Северной Пальмире на харбинскую культуру. Существовало одно из распространенных названий Харбина — «восточный Петербург». С «петербургским мифом» харбинский миф связан феноменологически — как культурная реплика «нерусского города» посреди русских болот, превратившегося в «русский город посреди маньчжурских степей». Наличие многих черт, роднящих Харбин с Петербургом (построен на болоте и существует под угрозой наводнения, спроектирован петербургскими архитекторами, многие улицы носят «петербургские» названия), позволяет авторам сделать вывод: «сам архитектурный и топонимический язык «харбинского текста» создавался под воздействием «петербургского текста»⁹.

Однако есть и различия. Если эмоциональное поле восприятия Петербурга строилось на метафоре «антигуманности», невозможности жить в этом «городе на болоте», «городе на костях», Харбин создает полярное семантическое поле — сказочно-утопического пристанища всех страждущих и нуждающихся.

«Харбинский текст», то есть весь корпус произведений русской литературы, созданной в Харбине, на китайской почве и под китайским небом, при всех петербургских и парижских моделях, которым могли следовать авторы, отличался от других произведений тем, что нес на себе определенное влияние китайской культуры. Идея об этом влиянии оформилась еще и в виде метафоры «харбинская нота», которую ввела китайская исследовательница Ли Иннань. Она пишет: «Именно китайские мотивы и образ Китая, озвученный в русских рифмах, создают неповторимую «харбинскую ноту», придают своеобразие произведениям даже второстепенных харбинских поэтов»¹⁰.

А.А. Забияко отмечает, что эта работа стала первым этапом осмысления путей художественного «проникновения» Китая в материю стиха русских поэтов-эмигрантов, и «не обладая терминологической строгостью и завершенностью... фиксирует определенное впечатление, остающееся у читателя и исследователя после знакомства с лирикой харбинцев»¹¹.

Врастание русских литераторов в необычную инокультурную среду, сопровождаемое процессом этнокультурной самоидентификации, способствовало формированию на харбинской почве особого художественного фона, ставшего отличительной чертой «харбинской ноты». Об особом художественном фоне говорит профессор русской лите-

ратуры из университета г. Цицикар провинции Хэйлунцзян, член Союза писателей России Ли Яньлин. Он стал главным составителем и шефом-переводчиком пятитомного издания на китайском языке «Серия литературы русских эмигрантов в Китае», опубликованном в 2003 г. А в 2005 г. в Пекинском издательстве «Китайская молодежь» вышел на русском языке десятитомник «Литература русских эмигрантов в Китае», также подготовленный Ли Яньлином и коллективом китайских русистов¹². Этой работе китайский филолог посвятил 40 лет своей жизни. Он начал собирать русские книги в период «культурной революции» в 1967 г., когда это было очень опасным занятием. Профессор Ли за эту работу был удостоен российского ордена Дружбы народов.

В предисловии к изданию, характеризующему особый художественный фон, на котором создавалась русская литература в Харбине, Ли Яньлин пишет: «Не что иное, как такие фоны сделали данную литературу уникальной в мире. Она уникальна тем, что часть из ее сочинений являет пример замечательного слияния русской культуры с китайской как по темам, так и по творческому стилю. Кроме русской тематики, данная литература также имеет и китайские темы: «Великий Ван» Н. Байкова, рассказ А. Хейдока «Маньчжурская принцесса», роман В. Кочаровского «Се Вэйцан», стихи А. Несмелова...»¹³.

Понятно, что эти фоны — Китай, китайское окружение. «Именно китайская обстановка не только давала им свободную обстановку и воспитала у них любовь к Китаю, но и оказала большое влияние на их творчество своей культурой, обычаями, моралью, природой и многим другим. Немало эмигрантов называли Китай второй Родиной или «нежной мачехой» — пишет китайский профессор¹⁴.

Ли Яньлин выдвинул идею о том, что литература русских эмигрантов в Китае является не только частью русской литературы, но одновременно и частью китайской литературы. Можно предположить, что увлеченность материалом привела к желанию еще более приблизить к себе объект исследования, сделать фактом не только своей жизни, но и достоянием своего народа. Эта точка зрения достаточно широко распространилась среди китайских специалистов, о чем свидетельствуют ставшие доступными нам материалы.

Так, профессор Цицикарского университета Мяо Хуэй приводит следующие аргументы в подтверждение выдвинутого тезиса.

1. Фоном, на котором существовало и развивалось малое сообщество российских эмигрантов, был огромный Китай, большое сообщество. «Без поддержки большого китайского сообщества малое эмигрантское сообщество не могло бы существовать столь длительное время»¹⁵. Конкретизируя сферы и формы такой поддержки, автор указывает на стабильную политическую обстановку в Северо-Восточном Китае, где могли сосуществовать «все цвета», то есть идеологический плюрализм, на использование трудовых ресурсов Китая в строительстве КВЖД и промышленном развитии Харбина, на дешевизну продовольствия для российских эмигрантов вследствие наличия хорошей сельскохозяйственной базы в провинции Хэйлунцзян. «Кроме того, поддержку малому эмигрантскому сообществу оказывала сама китайская земля: горы и сопки, реки и озера, леса и степи и вся китайская культура с ее историей в пять тысяч лет»¹⁶.

2. В тематике произведений русской литературы, созданных в Харбине, выделяются три группы:

- произведения, касающиеся исключительно эмигрантской жизни и не затрагивающие китайские реалии;
- произведения, сочетающие реалии эмигрантской и китайской жизни;
- произведения исключительно или в основном с китайским содержанием.

Произведений, в которых в той или иной степени присутствует Китай, немало, существующие в них китайская тематика и проблематика позволяют отнести их к китайской литературе.

3. Полвека российские эмигранты были местным населением Харбина, жили на его территории постоянно, рожали и растили здесь детей, работали, создавали литературные произведения. Именно в Китае, а не в России они писали эти произведения, то,

что они описали в них, было их жизнью и работой, тем, что они видели, слышали, чувствовали в Китае. Вся их деятельность была составной частью деятельности населения Китая, населения Хэйлунцзяна. «Вся литература, что была в провинции Хэйлунцзян до середины XX века, — это составная часть китайской литературы, она проявляет свойства литературы национальных меньшинств»¹⁷.

4. Некоторые авторы усваивали китайский стиль в жизни. Так, поэт В.Ф. Перелешин (1913–1992) стал китаистом, перевел на русский язык поэму Цюй Юаня «Лисао», даосский трактат «Даодэцзин», стихотворения поэтов эпохи Тан, в быту носил китайский халат, стригся под буддийского монаха, прекрасно владел разговорным китайским языком. Н.А. Байков (1872–1958) несколько десятилетий прожил в Китае, много времени проводил в горах и тайге, водил дружбу с китайскими охотниками, собирателями женьшеня, лесорубами, испытывал влияние буддийских идей.

5. В творческой манере ряда российских литераторов присутствуют приемы, свойственные китайской литературе, например, передача чувств через пейзаж, недоговоренность.

В докторской диссертации Ван Яминя «Изучение литературы русской эмиграции в Китае в XX веке», защищенной в 2007 г. в университете г. Ланьчжоу (пров. Ганьсу), указывается, что под русской литературой в Китае автор понимает произведения, созданные на русском языке русскими в китайском Харбине. В целом, эта литература обладает отчетливыми признаками Серебряного века, а также несет на себе глубокий отпечаток Китая. В ней есть местный колорит, слышна ностальгическая нота, присутствует национальная специфика и особый стиль. Это важная часть мировой литературы XX в. так же как и особая составляющая часть современной китайской литературы.

Развивая идею об особой составной части китайской литературы, Ван Яминь пишет, что атмосфера относительной свободы и идеологических послаблений, существовавшая в Харбине в период создания там русской эмигрантской литературы, и была причиной того, что эта литература обрела свойства и признаки, позволяющие отнести ее и к русской, и к китайской литературе. «Китайская литература включает в себя не только литературу на китайском языке, она также может создаваться на других языках, например, на тибетском, монгольском и других. Литература русских эмигрантов в Китае, хотя и написана на русском языке, но ее творческий фон, сюжеты, объекты описания, художественный стиль — все это обладает ярким китайским колоритом, на всем этом ощущается китайское влияние, ее эмоциональное своеобразие несет в себе китайскую культуру и китайские чувства», — пишет китайский ученый¹⁸. Далее автор обращает внимание на особое положение русской литературы на грани русской и китайской культуры, что определяет ее исключительную художественную ценность. Дополнительными аргументами являются китайская тематика, использование восточной лексики, образов, имен, топонимии. Диссертант также отмечает значение русской литературы в Китае для развития китайской культуры и литературы. Это демонстрация скрытого потенциала для китайских писателей, привыкших к собственной стране и культуре, а теперь имеющих возможность увидеть это свежим взглядом благодаря произведениям русских литераторов. Это вклад русских писателей в изучение народной культуры разных районов Китая, это опосредованное распространение китайской культуры через свои произведения в России и далее — на Западе.

В доказательствах Ван Яминя о принадлежности литературы русских эмигрантов в Китае к китайской литературе выдвигается тезис о многонациональном характере китайской литературы, создаваемой на языках народов, проживающих на территории Китая.

В рамках данной статьи мы не будем спорить с некоторыми некорректно приведенными доводами, но выскажем главное возражение: национальная литература создается на национальном языке. Российские писатели в Харбине писали свои стихи, повести, романы на родном им русском языке, сберегая его как важнейшую часть своей культуры. Арсений Несмелов (1889–1945) в стихотворении «Переходя границу» писал: «Все, что нажито, оставляю вам, долги простив, — вам эти пастбища и пажити, а мне просторы и

пути, да ваш язык. Не знаю лучшего для сквернословий и молитв, он изумительный, — от Тютчева до Маяковского велик»¹⁹.

Русские, жившие в Харбине в первой половине XX в., вовсе не были китайским национальным меньшинством. Они не стремились к аккультурации в чужой среде, более того, русские вне пределов России старались воссоздать и сохранить атмосферу, стиль и жизненный уклад своей сначала оставленной, а потом и утраченной родины.

Как известно, в основе языковых структур лежат структуры социокультурные, которые определяются традициями и обычаями, бытовой культурой и повседневным поведением, «национальной картиной мира», художественной культурой²⁰. Поэтому ни интерес к китайской культуре и даже ее серьезное, профессиональное изучение, ни описание китайских реалий в произведениях, ни использование китайской символики и образности не в состоянии изменить национальную принадлежность литературы русских эмигрантов Харбина.

Использование в литературных произведениях сюжетов и реалий из китайской жизни, персонажей-китайцев, поэтических образов, фрагментов китайской речи часто в варианте «pidgin Russian» — ломаного русского языка, которым пользовались для общения русские и китайцы, отражали тот факт, что две культуры существовали на одной территории. Ли Иннань, говоря о полном наборе русских заимствований из китайского языка у поэтов русского Харбина, несколькими строками ниже отмечает создание в их произведениях некоего оторванного от реальной жизни, эстетизированного Китая. За этим книжным Китаем встает «огромная живая страна, манящая непонятым бытом, красочными традициями, незнакомой культурой»²¹. Мало для кого из русских литераторов эта terra incognita становится понятной и близкой, пожалуй, только для тех, кто выбрал путь серьезного профессионального изучения китайского языка и культуры. Обычно в качестве примера называют В. Перелешина, Я. Аракина, М. Щербакова.

Большая часть же русских литераторов при известной толерантности в отношении китайского окружения не предпринимала никаких действий к познанию чужой культуры. Исследователь русской эмиграции О.Г. Гончаренко пишет, что «живя бок о бок более полувека, русские и китайцы продолжали оставаться совершенно чужими и по большей части нелюбопытными в отношении не только культурных достижений, но и обыкновенного жизненного и духовного уклада друг друга»²².

Е.Е. Аурилене в своей статье цитирует американского ученого О. Латтимора, который заметил, что русское население в Маньчжурии никоим образом не поддается китайскому влиянию, проявляет упрямство в незнании Китая и отсутствии интереса к Китаю²³.

С нашей точки зрения, сопровождающие изучение литературы русской эмиграции в Харбине идеи и о «харбинском тексте», и о «харбинской ноте», и об особом художественном фоне, и даже о ее принадлежности к китайской литературе свидетельствуют о наличии в русской литературе Харбина особенностей, связанных с пространством, местом ее создания. Маньчжурия через свои многообразные особенности индуцировала в русской литературе появление тех свойств, которые и придавали ей неповторимое своеобразие, при этом порождая аналогичные сюжеты, описания, эмоциональный настрой. Этим можно объяснить появление схожих описаний девственной маньчжурской тайги в романах Н.А. Байкова «Великий Ван» и «Тигрица» и романе Лян Шаньдина «Зеленая долина» («Люйсэде гу»). Из этой земли появляются пронизывающие культуру края буддийские странствия в прошлых жизнях героев А.П. Хэйдок. Такое опосредованное воздействие сложного сплава культур этого региона, в котором, конечно, преобладала китайская культура, и позволяет говорить о влиянии китайской культуры на русскую литературу. Но в первую очередь речь должна идти о влиянии материальной культуры, сферы быта, поскольку в межкультурной коммуникации именно сфера быта имеет первостепенное значение по сравнению с идеологией, религией и художественной культурой. Здесь такое препятствие, как языковой барьер, не играет столь важной роли, как во взаимодействии с помощью вербальных средств.

Таким образом, единое пространство способно генерировать часто близкие друг другу тексты на разных языках, способствуя созданию особого типа литературного взаимодействия в контактной зоне Северо-Восточного Китая.

1. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006; *Замятин Д.Н.* Мета-география: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.
2. *Замятин Д.Н.* Мета-география: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. С. 14–15.
3. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 61–62.
4. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Петербургский текст. М.: Наука, 2009.
5. Там же. С. 665.
6. Например, см.: *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000; *Анисимов К.В.* Проблемы поэтики литературы Сибири 19 — начала 20 веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции: Автореф. дис. Томск, 2005. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/0203-50860/020350860.pdf>; *Гео-панорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты.* М.: Языки славян. Культуры, 2004; *Гудкова Е.Ф.* Хронотоп Сибири в русской классической литературе 17–19 веков. URL: <http://guuu7.narod.ru/HS.htm>; *Каганов Г.З.* Санкт-Петербург: образы пространства. СПб.: Изд — во Ивана Лимбаха, 2004; Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. ст. М.: РГГУ, 1998; *Образ Петербурга в мировой культуре.* СПб.: Наука, 2003.
7. *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009. С. 12–13.
8. Там же. С. 6.
9. Там же. С. 14.
10. *Ли Иннань.* Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: сб. науч. тр. М., 2002. С. 272.
11. *Забияко А.А.* Лирика «харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика. Дис.... д-ра филол. наук. М., 2007. С. 10, 7. (рукопись).
12. Литература русских эмигрантов в Китае. Пекин, 2005. Т. 1–10.
13. Там же. Т. 1. С. 19.
14. Там же.
15. *Мяо Хуэй.* Элосы дэ е ши чжунго дэ — лунь чжунго элосы цяоминь вэньсюэ е ши чжунго вэньсюэ [И русская, и китайская. О том, что литература русских эмигрантов в Китае также является и китайской литературой] // Элосы вэньи [Русская литература и искусство]. 2003. № 4. С. 75.
16. Там же. С. 76.
17. Там же. С. 77.
18. *Ван Яминь.* 20 шицзе чжунго элосы цяоминь вэньсюэ яньцзю [Изучение литературы русской эмиграции в Китае в XX веке]. Рукопись доктор. дис. Ланьчжоу, 2007. С. 142.
19. *Несмелов А.* Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. Т. 1. С. 100.
20. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие). М.: Слово/Slovo, 2000. С. 28–29.
21. *Ли Иннань.* Указ. соч. С. 273.
22. *Гончаренко О.Г.* Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 42.
23. *Аурилене Е.Е.* Судьбы русской эмигрантской культуры в Китае (1920–1940-е гг.): региональный фактор // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 129.